**ФАКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В
ФЕНОМЕНОЛОГИИ СИБИРСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Гревнев В. М. - аспирант кафедры философии и культурологи, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Аннотация. Смысл и назначение публикации состоят в презентации некоторых аспектов сибирской идентичности, уникальной по ряду ментально-мировоззренческих параметров, на формирование и внутреннее содержание которой активно влияют межэтнические и межкультурные связи коренных, старожильческих и новосельных групп населения Сибири. Актуальность проблемы определяется социально-антропологическими особенностями Сибири, и в первую очередь национальной ментальностью коллективного субъекта — сибиряка (сибиряков), претерпевающей в последние годы значительные изменения.

Начавшиеся ещё в эпоху колонизации Сибири динамические процессы долговременного «диалога культур» и аккультурации продолжаются и ныне, однако параллельно с ними развиваются и процессы этнокультурной фрагментации, а также векторно противоположные им, но равно негативные, несущие в себе угрозу разрушения идентичности, а значит, и национальной безопасности, процессы гомогенизации.

Предполагаемая практическая значимость материала состоит в актуализации проблемы межкультурных коммуникаций, расширении проблемного поля и, соответственно, поля рефлексии относительно сибирского кросс-культурного феномена.

Автор указывает на необходимость углублённого исследования социально-культурных и социально-психологических оснований региональной идентичности с учетом многочисленных интерференций в числе иных

«ВЫЗОВОВ времени», а также в выявлении позитивного потенциала межкультурных взаимодействий и определении условий его практической реализации в культурной политике Сибирского региона.

Ключевые слова: Сибирь, сибиряки, сибирский характер, межкультурные взаимодействия, этнокультурные объединения, региональная идентичность, антропологическая матрица.

FACTORS OF CROSS-CULTURAL INTERACTIONS IN
PHENOMENOLOGY OF THE SIBERIAN REGIONAL IDENTITY

Grevnev V. M. - postgraduate, Saint Petersburg Humanitarian Trade-Union
University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Summary. The sense and purpose of the publication consist in the presentation of some aspects of the Siberian identity, unique in a number of mental parameters, which formation and internal maintenance are actively influenced by interethnic and cross-cultural communications of radical, starozhilchesky and novoselny groups of the population of Siberia. The relevance of a problem is defined by social and anthropological features of Siberia, and first of all national mentality of a collective subject — the Siberian (Siberians), undergoing in recent years significant changes.

The colonizations of Siberia which began during an era dynamic processes of long-term "dialogue of cultures" and acculturation continue and nowadays, however in parallel with them also processes of ethnocultural fragmentation and also vektorno opposite to them, but equally negative processes of homogenization posing in themselves threat of destruction of identity so, and national security develop.

The estimated practical importance of material consists in updating of a problem of cross-cultural communications, expansion of the problem field and, respectively, the field of a reflection of rather Siberian cross-cultural phenomenon. The author indicates the need of an in-depth study of the welfare and social and

psychological bases of regional identity taking into account numerous interferences and other "calls of time" and also the analysis of positive potential of cross-cultural interactions and identification of conditions of its implementation in cultural policy of the Siberian region.

Keywords: Siberia, Siberians, Siberian character, cross-cultural interactions, ethnocultural associations, regional identity, anthropological matrix.

Автор публикации придерживается традиционных, принятых в отечественной науке взглядов на региональную идентичность, трактуемую как «форма коллективной идентичности, при которой её носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации и фиксации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самосоотнесению с внешним миром» [4, с. 43]. Эти компоненты указывают на содержательную и структурную сложность региональной идентичности. «Объективно существующие различия по этим характеристикам (уровень эмоционального реагирования, иерархия ценностных предпочтений) служат основанием региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами рефлексии» [4, с. 49]. И в то же время, «данные компоненты можно рассматривать как каналы определения и формирования региональной идентичности» [там же, с. 49].

Е. В. Головнёва отмечает, что «уже простое указание на региональную принадлежность содержит в себе выражение определенного отношения к нему, поскольку через выяснение происхождения субъекта происходит обнаружение его принадлежности к определенной общности. Когда произносится фраза "я сибиряк", то тем самым уже имплицитно подразумевается то, что существует некая "сибирскость"» [3, с. 200].

Специфику ментальности русской цивилизации, формирующей идентичности, по классификации А. П. Маркова, составляют 7 характеристик (приведём в значительном сокращении четыре из них):

1) синтетическое духовно-целостное отношение к миру (синкретичность и недифференцированность сознания, его слабая ориентация на понимание сложностей природного и социального мира);

2) тоталитарность мировоззрения и мировосприятия. Синтетичный характер мировосприятия, с одной стороны, и психологическая сосредоточенность на внутреннем мире — с другой, делают русскую культуру целостной и одновременно нетерпимой к иным ценностям и мировоззрениям;

3) мировоззренческая целостность (тоталитарность) национального самосознания резонирует и поддерживает его инверсионность (то есть внутреннюю непоследовательность, когда каждую черту национального характера на противоположном полюсе уравнивает оппозиционное качество: на одном полюсе — смирение, сострадание, бескорыстие и жертвенность русского человека на другом периодически проявляющаяся страсть к разрушению, массовый атеистический разгул);

4) катастрофизм и эсхатологизм восприятия мира и собственной истории [10, с. 429 — 431].

Необходимо заметить, что названные антропологические особенности русских как народа (своего рода ментально-мировоззренческий портрет населения России), в полной мере относятся и к сибирякам, как неотъемлемой его части, независимо от их этнического происхождения и предшествующего (изначального) культурного опыта.

Немецкий культуролог Йохен Хипплер (Jochen Hippler) в работе «Знания, культура и идентичность: тенденции и взаимозависимости» (2001), перечисляя наиболее важные из факторов идентификации индивида и социума, выступает с

оригинальной версией гармонической интеграции идентичностей: «Человек идентифицирует себя в соответствии с родовой принадлежностью, племенными отношениями, родным языком, религией, региональным происхождением, социальным статусом, этнической принадлежностью, родом занятий. Конкретная «культура» этого человека состоит не в выборе одного из этих аспектов идентичности и игнорировании других, а в интеграции многих уровней в личную «идентичность». Социальные группы, этнические единицы или целые общества имеют еще более сложные структуры идентичности. Они не просто христианские или мусульманские, «немецкие» или «пакистанские», но баварские, пуштунские, атеисты, шииты, бедные, дружелюбные или враждебные к своим соседям» [13]. Иначе говоря, и отдельный человек и любое человеческое сообщество - это не одна идентичность, а одновременно несколько сосуществующих и взаимодействующих в едином «организме культуры».

О. А. Тихомандрицкая, ссылаясь на исследования Н. М. Лебедевой (2002), указывает на связь «между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для этнического сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной этнической идентичностью и межэтнической толерантностью. В неблагоприятных социальных условиях эту связь может распадаться или становиться обратной.

Когнитивные процесс (социальной дифференциации, социальной идентификации и социального сравнения) интенсифицируются именно во время конфликтного взаимодействия. Такие когнитивные образования, как стереотипы, социальные установки, ценностные представления могут выступать стимулами и для согласованного поведения. С одной стороны, они отражают реальные отношения, с другой — выступают регуляторами этих отношений [12, с. 260-261].

В любом случае, вне цивилизованного, взаимоуважительного и взаимответственного диалога, полноценная межкультурная коммуникация невозможна. «Диалог культур не только обнажил существенные различия в картинах мира, менталитете отдельных народов, ценностях, целях и других аспектах социального и культурного бытия, но и вызвал всплеск национального самосознания, стимулировал процесс цивилизационного самоопределения» [10, с. 106-107].

Б. Е. Андюсев обнаруживает несколько существенных закономерностей в процессах социопсихологической и экологической адаптации первопоселенцев в Сибири, связывая их с взаимной толерантностью старожилов и новосёлов: «В XVII - XVIII вв. феномен русской колонизации сопровождался формированием постоянного населения, созданием нового «кормящего ландшафта» Суровые факторы среды трансформировали прежние традиции в экономике, социальной жизни, культуре. Результатом взаимной адаптации пришлого населения и окружающей среды явилось формирование «совокупности социально-исторических и географических признаков определённой среды обитания» [2, с. 66]. По словам исследователя, «возобновление процессов адаптации последующими поколениями переселенцев XIX века происходило в благоприятных условиях материальной, социальной и психологической поддержки со стороны старожилов. Однако для переселенцев требовалось позитивное восприятие традиционных ценностей сибирской крестьянской общины» [2, с. 68], поэтому они добивались благорасположения старожилов, проявляя необходимую лояльность в отношениях. «Откуда бы не были новосёлы, - цитирует А. Е. Андюсев А. А. Кауфмана (1891), - они подвергаются непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами: как поступать на сибирской почве даже советами, как говорить, не возбуждая смеха» [2, с. 68]. Результаты избранной переселенцами бесконфликтной социальной тактики подтверждают мысль психолога М. П. Якобсона о том, что «по традициям, бытующим в данной среде», благодаря

«подражанию определённому образцу поведения, следованию примеру», трансформируются прежние установки поведения, меняется структура ценностей субъективной картины мира, формируется новое самосознание» [2, с. 68].

Таким образом, уже на первых этапах формирования и становления сибирской социума, от конфликтов как высокоэффективных регуляторов взаимоотношений и старожилов и новосёлы отказывались принципиально. Идентичность старожилов Сибири воспроизводилась на основе социализирующего подражания, осуществлялась и под принуждением общественного мнения, общинных традиций, норм обычного права [2, с. 68]. Включение новосёлов в число старожилов происходило через 25 - 50 лет после их расселения в Сибири.

Соотнося результаты собственных исследований с концепцией Ю. В. Бромлея (1981), Б. Е. Андюсев приходит к выводу о формировании у новосёлов «двойственного самосознания» [2, с. 68]. Наличие специфического самосознания при этом расценивается как «подтверждение завершения психологической адаптации и новой идентификации в составе коренного сибирского старожильского населения с эндоэтнонимом "сибиряк"» [2, с. 70]. Это утверждение положительно коррелирует с умозаключением Й. Хипплера об интегрировании идентичностей.

Говоря об особенностях адаптации переселенцев, нам не миновать темы «сибирского характера». В подтверждение основательности своей позиции в отношении характерных, свойственных только сибирякам черт, Б. Е. Андюсев среди прочих документов цитирует книгу П. М. Головачева «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» (1902), введшего понятие «характер сибиряков», и считавшего, что «старожильское население Сибири» под воздействием «географических и исторических причин приобрело стойкие особенности в характере, в умственном складе и даже во внешнем облике» [1, с. 47-48].

Процессы адаптации продолжаются и в современной Сибири, открытой для многочисленных этнических мигрантов (в том числе из зарубежных стран), постепенно обретающих легитимность в качестве сибиряков, более того, становящихся сибиряками и по духу и по культуре. Кстати сказать, «комплексные исследования этнографов и медиков начала 1960-х гг. признали наличие приспособительной изменчивости старожилов, описанной ещё в работах XIX века. Впервые в советской науке русские старожилы были выделены в «особую сибирскую ветвь русского народа» [2, с. 67]. Но становятся ли нерусские сибиряки особой ветвью русского народа, очевидно, еще только предстоит определить.

По словам Г. Ф. Быкони, «современные этнографы пришли к выводу, что сибиряки - не особая народность, а разновидность великорусского народа. Другое дело менталитет сибиряка как стержень национального характера. В этом плане мы всегда отличались от великорусов. Сибирский характер— это не только выносливость и неприхотливость. Сибиряк более рационален, расчетлив, практичен, для него характерны инициативность и самостоятельность» [11]. Вместе с тем сибирякам свойственны и другие качества. Как свидетельствует И. С. Пестов (1831), «нравы коренных жителей весьма кротки, благодетельны и гостеприимны: всегда удаляются от ссор, весьма редко впадают в преступления, словом сказать: народ человеколюбивый и снисходительный...» [9, с. 286]. Указаний же на явную агрессивность и жестокость сибиряков (тем более, немотивированную) по отношению к инородцам и иноверцам, в исторических документах ничтожно мало. В поликультурном обществе (Красноярский край, к примеру, населяет около 150 этносов) это неизбежно привело бы к вспышке насилия в форме этнических конфликтов.

Как считает О. А. Тихомандрицкая, в числе прочих регуляторами межэтнического взаимодействия могут выступить социальные установки,

понимаемые как «диспозиции» индивида, в соответствии с которыми тенденции его мыслей, чувств и возможных действий организованы с учётом социального объекта [12, с. 262]. Думается, что представители населения Сибири использовали этот регулятор достаточно часто. Приведём пример такого рода общественного поведения. Как известно, «еврейская диаспора Сибири не приняла широкого участия в революционных событиях начала XX века (в Октябрьском перевороте вообще минимально) по ряду причин. Одна из самых существенных — опасность утраты с трудом обрётённой социокультурной, ментальной и мировоззренческой гармонии, установившейся в отношениях с коренными и старожильческими народами Сибири и породившей феноменальный по многим параметрам образец региональной идентичности. Не менее существенная причина - реальные оптимистические сдвиги в национальной и экономической политике Российской империи и столь же реальная возможность обретения благополучия, правовой защиты и гарантированной безопасности («еврейского счастья») на территории Сибири. Третья из причин - непреодолимая чуждость марксистско-ленинской доктрины переустройства общества» [6, с. 165].

По мнению автора, «межэтнические и межкультурные отношения в Сибири можно охарактеризовать как гармоничные (даже с учётом локальных проявлений ксенофобии). Содружество этносов здесь обеспечивается доминирующей в сознании и ментальности сибиряков социокультурной самоидентификацией, интегративной по своей глубинной сути.<...>Жители Красноярья края в массе своей воспринимают себя как единый народ («сибиряки»). Многолетний исторический опыт Сибири свидетельствует об уникальной наднациональной и внерелигиозной синергии, не отменяющей, между тем, свободу этносов на сохранение национально-религиозных особенностей. Взаимная лояльность этносов Сибири, безусловно, способствовала более полному раскрытию духовного и трудового потенциала

коренных и старожильческих этносов, а также переселенцев из других регионов России и мира» [7, с. 22].

Отметим также, что в процессах межкультурных коммуникаций неизменно высокой и продуктивной остаётся роль этнокультурных объединений. «Благодаря значительному выбору средств культурной презентации (СМИ, социальная реклама, книгоиздание, выставочная, лекционная и концертная деятельность) и наличию разнообразных культуротворческих ресурсов (литературных и театральных студий, творческих лабораторий, любительских объединений, включая и субкультурные), неуклонно растут взаимный интерес и взаимная лояльность этносов Сибири. Этнокультурными объединениями Сибири организуются массовые и локальные мероприятия, направленные на ознакомление и приобщение населения к национальным и этническим культурам, формирующие, в свою очередь, уникальную многонациональную культуру сибиряков.

Этнокультурные организации, располагая серьёзным идейно-технологическим ресурсом, способствуют формированию региональной идентичности и региональной культуры. Причём, выполняют эту функцию вопреки устоявшемуся мнению о том, что национально-культурные образования уже по своему «институциональному праву» (статусу) существуют только для того, чтобы поддерживать культуру единственно только своего народа, по отношению же к другим народам соблюдая известную терпимость» [7, с. 23-24].

Однако независимо от сложившихся в регионах Сибири позитивных обстоятельств (сравнительно благоприятный морально-психологический климат), нельзя не учитывать возможные девиации и эксцессы, могущие привести к интолерантности, социальной напряжённости, росту националистических и изоляционистских настроений [7, с. 22-23]. Очевидно, одним из самых существенных факторов развития событий, ведущих к

разрушению основных форм социальных идентичностей и общественному кризису, является глобализация, которая, надо сказать, имеет и множество привлекательных свойств.

«Вопреки прогнозам, основанным на теории «плавильного котла», - утверждает Е. А. Ерохина, - этнические различия не исчезают. Напротив, с развитием глобализации этническое многообразие стран, вовлеченных в этот процесс, нарастает. Интеграционные процессы положительно влияют на развитие межкультурного диалога. Однако глобализация имеет и отрицательные следствия, в том числе рост этнических противоречий» [8, с. 3]. Имея в виду Россию, исследователь предлагает свою версию механизмов и возможных сценариев общественной деградации: «Устойчивыми формами социокультурной трансформации российского общества являются чередование активности русской и нерусских этнических общностей, усиление солидарных, либо конкурентных форм межэтнического взаимодействия, культурная унификация и рост мозаичности. Объективным признаком фрагментации общества является рост этнического многообразия, которое сопровождается усилением этнической дифференциации, сепарации, обособления» [8, с. 20].

Об опасностях, отчасти объяснимых разнородностью общества, говорит М. А. Фадеичева («Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов», 2004), указывая на необходимость «управления этническими процессами на основе эффективной политики, обеспечивающей адекватную (построенную на соблюдении прав человека) кросс-этническую коммуникацию» [7, с. 22-23].

Нельзя также забывать и о потенциальной опасности уклонения от общественного сотрудничества со стороны этнокультурных организаций, и, прежде всего, угрозе того, что в силу различных причин они могут стать проводниками деструктивных идей, инструментами пропаганды радикальных

религиозно-политических учений, ксенофобии, религиозной и национальной нетерпимости, а также автономизации [7, с. 23].

«Конфликты идентичностей возникают в результате унификации и стирания культурных различий, поскольку в этой ситуации модернизированные риски и ценностные противоречия воспринимаются как угрозы безопасности и автономности идентичностей» [5, с. 190-191]. Грозящий России кризис идентичности неизбежно приведёт к деформации антропологической матрицы русской культуры, что чревато катастрофическими последствиями, которых не избежит ни Европейская часть страны, ни Сибирь.

Литература

1. Андюсев Б. Е. Социоэкосистема «Русской Сибири» и современные миграционные потоки // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. - 2013. №1 (23). - С. 44-57.
2. Андюсев Б. Е. Формирование нового самосознания как результат завершения психологической адаптации человека в Сибири // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края / Материалы научно-практической конф. Красноярск, 4-5 октября 2003 г. - Красноярск: Кларетинум, 2004. - 260 с.
3. Головнёва Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральск. федер. университета. 2014. № 1 (123). - С. 198-203.
4. Головнёва Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5, 2013. - С. 42-50.
5. Горшкова В. В. Мир конфликта: субъект и реальность / под ред. В. В. Горшковой. - 2-е изд., перераб. и доп. - СПб. : СПбГУП, 2015. - 328 с.

6. Гревнев В. М. Восприятие еврейской диаспорой Сибири Февраля и Октября 1917 года // Чёрный квадрат: монография; отв. ред. В. Ю. Колмаков. - Красноярск: КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, 2017. - С. 154-165.
7. Гревнев В. М. Роль этнокультурных обществ в развитии культурной и региональной идентичностей сибиряков-красноярцев // Художественная культура России вчера, сегодня, завтра: региональный аспект: Материалы Всероссийской науч. конференции, 2-3 ноября 2017 г. / КГИИ; отв. ред. Н. А. Еловская. - Красноярск: КГИИ, 2017. - С. 21-24.
8. Ерохина Е. А. Этническое многообразие в социокультурной динамике России // Автореферат на соискание учёной степени доктора философских наук. - Красноярск, 2016. - 31с.
9. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года / составленные статским советником И. Пестовым. - Москва: Унив. Тип., 1833. - 310 с.
10. Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. — СПб.: СПбГУП, 2017. — 453 с.
11. Сергеева К. Геннадий Быконя: Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа. Интервью // Вечерний Красноярск. - 2010. - 29 сентября. - (№ 38). - С. 26-27. Режим доступа: <http://newslab.ru/article/337753> (дата обращения: 15. 12. 2018).
12. Тихомандрицкая О. А. Социально-психологические факторы межэтнического взаимодействия // Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках: Науч. ежегодник. Томск. МИОН-2002. - Томск: Изд-во Томского университета, 2004. - 454 с.
13. Hippler Jochen. Wissen, Kultur und Identitäten: Trends und Interdependenzen. URL: http://www.jochenhippler.de/html/kultur_und_identitaeten.html (дата обращения: 15. 12. 2018).